

2.6. РОССИЙСКИЕ ГОРОДСКИЕ СИСТЕМЫ В ЗЕРКАЛЕ ЭВОЛЮЦИОННЫХ ТЕОРИЙ УРБАНИЗАЦИИ

В 1980-х гг., когда урбанизация замедлилась, в СССР (Кюммель, 1987; Эволюция.., 1989; Зайончковская, 1991; Грицай и др, 1991) обратили внимание на ее универсальные стадийные схемы, уже появившиеся на Западе (Gibbs, 1963; Friedmann, 1966; Northman, 1975; Berry, 1976; Hall, Hay, 1980; Klassen., 1981). Урбанизация представлена в них как смена ряда стадий. У «отца» направления Джиббса их пять: города, вписанные в ареалы сельского расселения, отстают в росте (1); они выходят вперед при замедлении роста села (2) и потере им жителей из-за их оттока (3); кульминация стягивания населения в большие города и агломерации при его сокращении в малых (4); деконцентрации населения, снова растущего в малых поселениях, в том числе вне агломераций (5)¹.

На асинхронность стадий в разных странах и районах указал сам Джиббс. Позже канадец Бурн, поляк Корчелли и швед Вернерид (Bourne et al., 1983) выделили страны с концентрацией населения (большинство развивающихся), деконцентрацией (развитые) и неустойчивым равновесием, включив сюда СССР и Восточную Европу, где ослабляли центростремительные сдвиги, а местами начинались центробежные, хотя порой не вполне «естественные». Так, в Польше кризис 80-х гг. замедлил типичные для 4-й стадии Джиббса миграции в города, затронув их сильнее, чем село (см. Грицай и др., 1991, с. 36). В Эстонии стадия 3-я была датирована 1930-60-ми гг.; в середине 80-х гг. доминирующей считалась 4-я (Кюммель, 1987)².

Однако, то ли по объективным причинам, то ли в силу инерции мышления, нехватки данных и критериев, эти исследования не были развернуты широко. Многие в приложении стадийных концепций к советскому расселению осталось спорным. Тем временем ранние модели, так или иначе упиравшие на дихотомию город—село, сменили новые, в чем-то более строгие, получившие общее название теории дифференциальной урбанизации (Richardson, 1980; Fielding, 1989; Geyer and Kontuly, 1993). Впрочем, суть та же самая: концентрация и деконцентрация населения, чередуясь, дифференцируют потоки

¹ Для агломераций как таковых Л. Клаассен и Г. Шимеми (Klassen et al., ..., 1981, р. 8–28) предложили 4 стадии: урбанизация (рост центрального города за счет пригородов), субурбанизация (пригород растет быстрее центра), дезурбанизация (население центра сокращается быстрее, чем в пригороде, а рост, если он есть, приурочен к периферии) и реурбанизация (центр снова растет либо его население сокращается медленнее, чем в субурбии).

² Были и признаки перехода к 5-й стадии. К 1989 г. сельское население Эстонии перестало сокращаться; города росли, но (чуть ли не впервые в советской градостроительной практике) отставая от прогнозных наметок проектировщиков, а не опережая их.

миграций и рост поселений. На российском материале эту теорию, кажется, еще и не пытались проверить.

Принципы выделения новых универсальных стадий представлены на **рис. 2.6.1**. Каждой из них присущи свои соотношения балансов миграций или индексов динамики трех категорий центров: главных городов (в оригинале «приматных»: *primate*), средних (промежуточных) и малых (городов либо поселений с любым статусом). Их критерии варьируют. Дж. Филдинг считал средними для Франции города размером 10–100 тыс. чел. Для развивающихся стран пороги зачастую выше (50–400 тыс. по Geyer and Kontuly, 1993). Шесть стадий попарно формируют эпохи: *урбанизации*; так называемого *поляризационного разворота, реверсии* (*polarization reversal*); *контрурбанизации*. Границы стадий обозначены любым пересечением пары кривых.

1. Начальная крупногородская стадия урбанизации (U–I): ускоренный рост главных городов за счет малых и особенно средних.

2. Зрелая крупногородская стадия (U–II): рост главных городов и потери населения малыми достигают апогея, но средние тоже начинают расти, привлекая мигрантов.

3. Начало поляризационной реверсии (PR–III): по темпам роста лидируют средние поселения, главные стремительно теряют свою аттрактивность, а малые — ее наращивают³.

4. На зрелой стадии средних городов (PR–IV) вперед рвутся уже малые города, хотя еще и не могут обойти средние, а индекс главных городов становится отрицательным.

5. Контрурбанизацию открывает начальная стадия роста малых городов (CU–V). Они растут быстрее всех, а средние центры теряют аттрактивность; с ними, пройдя нижнюю точку, сближаются крупные.

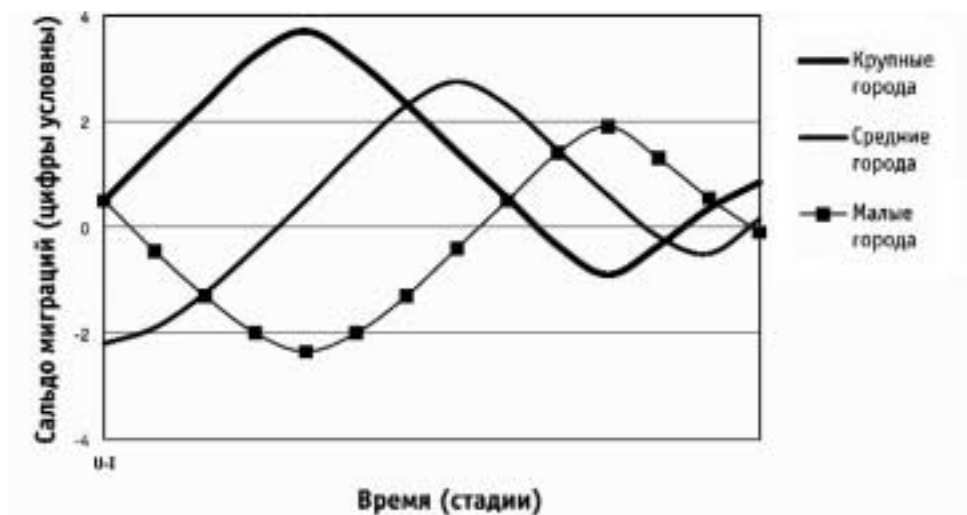
6. На последней стадии большого цикла (CU–VI) средние города отстают от малых и крупных, хотя уже не очень сильно и ненадолго.

Затем кривые возвращаются к исходной диспозиции «большие—средние—малые», хотя со временем происходит сжатие графика по обеим осям: стадии становятся короче (сжатие по оси времени, ускорение), сокращается амплитуда кривых (по вертикальной оси). «Новая урбанизация» после шестой стадии уже не та, что перед первой. Подвижность населения, частая смена так называемых миграционных циклов (из крупных городов, в крупные города при их джентрификации и т. п.) теперь сочетаются с устойчивостью иерархии сложившейся системы поселений.

Реальная урбанизация не всегда укладывается в четко обозначенные ступени, но теоретики считают, что ее эволюция непременно проявит себя в смене ведущих тенденций. Не исключены форсмажорные события, скажем, неожиданная деконцентрация на-

³ Подобная диспозиция, как и прочие, теоретически должна иметь место раньше, при повороте к урбанизации, а не к контрурбанизации, от сельской эпохи к городской, или от стадии 1 к стадии 2 по Джигбсу. Почему при этом лидерами роста становятся средние города, понять нетрудно. Ведь это постепенный (в общем случае) переход от дисперсного расселения к концентрированному либо наоборот, когда рост как бы перемещается вверх или вниз по иерархии поселений, оказываясь на время максимальным в ее средней части.

Рис. 2.6.1. Основные стадии урбанизации по Kontuly, Dearden, 2001

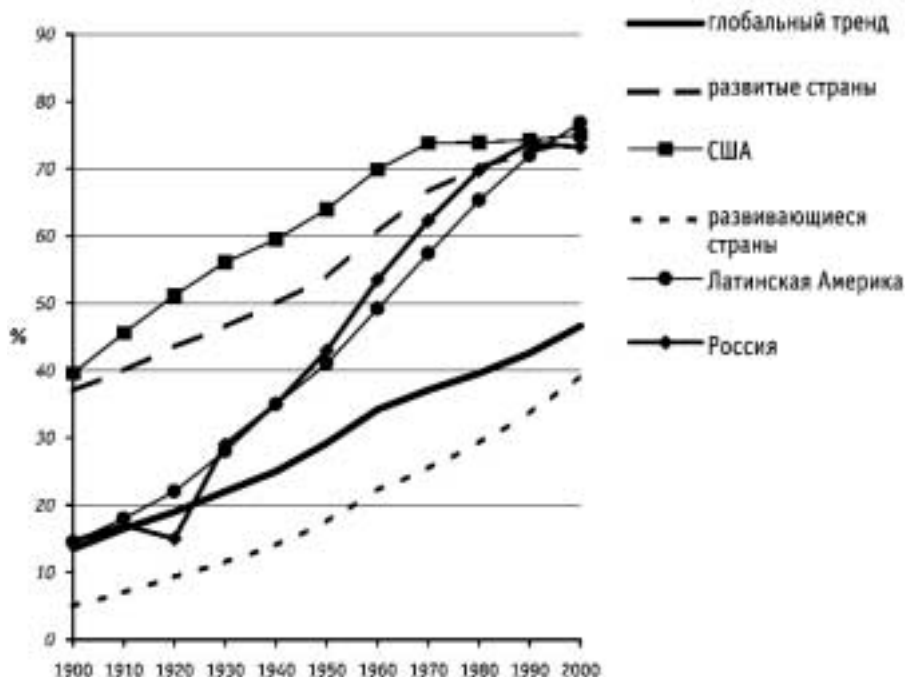
селения в смутные времена (как в Германии к концу Второй мировой), когда расселение как бы забегаает вперед, а потом возвращается к нормальной стадии (Kontuly, Dearden, 2000). Это важно для СССР и России, хорошо знакомых с такими потрясениями.

Советские и постсоветские вызовы теориям урбанизации

В 1900 г. Россия уступала тогдашнему Западу по доле горожан в 2–3 раза. Только через 20 лет, после войн и революций, начался городской бум, страна вступила в гонку по схеме, упомянутой в главе 2.5: ниже уровень урбанизации — выше ее темпы. Развитые страны она формально догнала около 1980 г., чуть раньше Латинской Америки, чей путь очень похож на российский (рис. 2.6.2). С 1991 г. городское и все население России сокращается, не в первый раз за столетие, но уже в основном под влиянием внутренних факторов, коренящихся в ее истории (Pervedentsev, 1999). Это происходит даже быстрее, чем в Европе — ввиду не столько низкой рождаемости, сколько высокой смертности. А в Третьем мире население продолжает быстро расти. Если поздняя и быстрая урбанизация России близка к наблюдаемой на мировой периферии, то демографическая обстановка теперь все же напоминает западную.

Российская урбанизация наследует советской. До 58% городов возникли после 1917 г., треть — после 1945 (Лаппо, 1997, с. 407). Индустриализация с ее аппетитом на рабочую силу создавала города и заставляла их расти во всех районах. Только они, как молодые акселераты, вырастали быстрее, чем успевали созреть, порождая массу проб-

Рис. 2.6.2. Российская урбанизация на фоне мировой

лем с жильем и т. п. (Лаппо, Полян, 1996). В начале 1930-х гг. власти стали ограничивать миграционный приток, промышленный, а потом и постиндустриальный рост главных городов. Такая политика, направленная против городов-гигантов по существу стимулировала то, что называют рассредоточенной концентрацией.

Ч. Харрис (Harris, 1970, р. 1), назвав Советский Союз страной больших городов, мог сказать так и о России. Накануне распада СССР она располагала 51% его населения, 57% горожан и 62% жителей городов размером более 500 тыс. Правда, доля этой группы (так же, как городов-стотысячников и миллионеров) оставалась ниже среднемировой, намного ниже американской и восточно-азиатской. Несмотря на тенденцию к ускоренному росту верхних этажей городской иерархии, она не выглядела на мировом фоне суперцентрализованной.

Вместе с тем, низкое качество небольших промышленных и полугородских поселений породило дискуссию насчет гипер- или гипоурбанизированности страны. Сами термины и аргументы спорны, но было очевидно, что советская система городов развита недостаточно и урбанизация здесь не завершена (Пивоваров, 1991, с. 9). А если это так,

то события 1990-х гг. следует рассматривать скорее как кризисную паузу, чем как новую эру. Уже одно то, что урбанизация сникла вместе с распадом советской системы, может казаться с этой точки зрения подозрительным.

Есть и другая точка зрения. Так, О. и Ю. Медведковы (Yuri Medvedkov and Olga Medvedkov, 1999) считают S-образную кривую российской урбанизации (рис. 2.6.2) вполне универсальной, а заметный на ней поворотный пункт 1991 г. — переходом к «конечной фазе урбанизации». Она должна была начаться независимо от политических потрясений, ставших всего лишь спусковым крючком для многих перемен. Авторы также отметили, что крупнейшие города уступили по темпам роста более скромным. За 1991–96 гг. города с населением более 250 тыс. жителей потеряли 3 млн человек, в т. ч. миллионеры — 2 млн. Все меньшие выросли на 2,5 млн человек, из них 2 млн — прирост в категории 50–250 тыс. жителей. Вроде бы, наглядный пример поляризационной реверсии (PR) по схеме дифференциальной урбанизации.

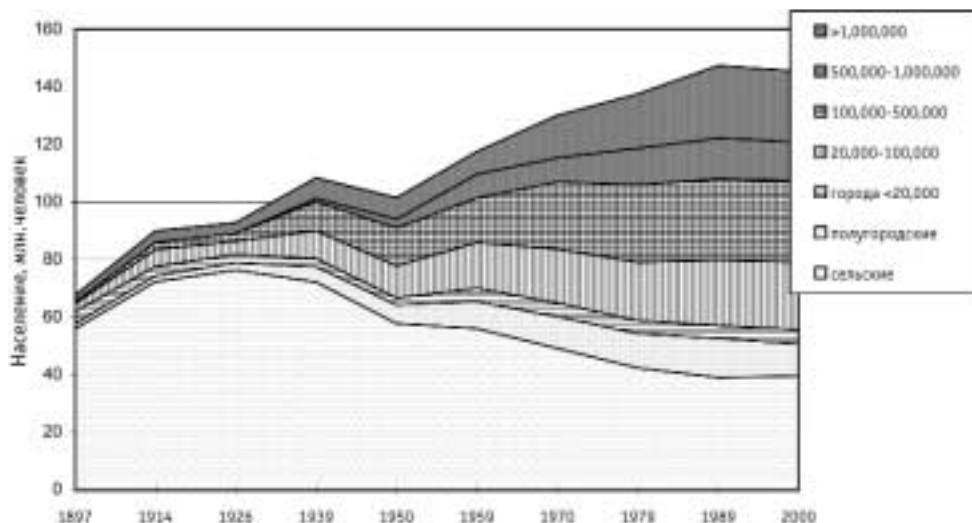
И все же сомнения остаются. Многие небольшие города находятся в зонах незрелой, маргинальной урбанизации. Медведковы пишут, что не вся Россия соответствует «конечной фазе», есть места явно отстающие, и это «может сделать несостоятельной всю гипотезу». Кроме того, в 1996–2000 гг. росли самые малые и... снова самые крупные города (+0,3 и +1,2 млн), а все группы в среднем диапазоне 20–500 тыс. теряли жителей (-2,4 млн). Сельское население после четырех лет роста (1991–94) опять сокращается. В общем налицо скорее неустойчивая динамика, нежели последовательный переход к контрурбанизации. На Западе он начался тогда, когда контрасты центр—периферия в уровне и образе жизни уже существенно сгладились. А нынешний российский кризис усилил и без того резкий отрыв немногих преуспевших центров от обширной периферии, подверженной обнищанию, деградации и новой рурализации (Родоман, 1998 и др).

Итак, новейшие изменения в городской системе России можно рассматривать и как некий кризисный сбой в ходе незавершенной урбанизации, и как естественный переход в новую стадию согласно универсальной модели. Вопрос уже поднимался (Браде, Нефедова, Тревиш, 1999), и первым напрашивался ответ, что обе гипотезы верны, ибо подкрепляются реальными фактами. Но это не ответ, пока не уточнены соотношения моделей и этих фактов (частей реальности) на разных этапах. Попробуем разобраться.

Стадии российской урбанизации по изменениям в людности и миграционной аттрактивности городов разного размера

Данные о динамике населения доступнее статистики миграций, и мы начнем с них. Эта динамика по стандартным категориям представлена на **рис. 2.6.3**. Выделение периодов 1914–26 и 1939–50 гг., пусть отчасти оценочно и с помощью интерполяции, дает общее представление о тренде и двух катастрофах первой половины XX века. После них рост населения и процесс укрупнения городов возобновлялись, все

Рис. 2.6.3. Иерархия поселений по размеру и статусу в динамике

заметнее наращивая средние и верхние этажи их иерархии. Нижний этаж (до 20 тыс. жителей) оставался тонкой прослойкой, хотя вместе с полугородским он тоже теснил сельский, пополняясь за его счет и в то же время теряя поселения, выраставшие в более крупные. А вот соотношение индексов динамики здесь «на глаз» выявить трудно.

Для этого нужно сначала уточнить категории главных, средних и малых поселений, которые на большом отрезке истории не могут быть одинаковыми. Средний размер городов России, удваиваясь за полвека, в XIX в. вырос с 5 до 21, в XX — до 87–90 тыс. человек (см. главу 2.5). Мы приняли переменную, скользящую шкалу промежуточной категории, задающую и планки двух других (в тыс. человек): до 1897 г. — 5–20; для 1897–1926 гг. — 10–50; для 1926–59 гг. — 20–100; для 60-х гг. — 40–200 (рассчитано по каждому городу); для 1970–79 гг. — 50–250 тыс. человек.

Современный минимум в 250 тысяч для главного города соответствует типичным размерам центров регионов РФ и агломераций. К 2000 г. их имелось 74, в среднем классе — 263, в малом — 755 городов и 1875 пгт. В 1897 г. главных центров, по шкале XIX в., было 85, средних — 306, малых — 430, а по критериям для первой четверти XX в. — соответственно 27, 168 и 626. Понятно, что для дат, когда шкала менялась, индексы роста рассчитывались «назад» и «вперед» по-разному. К началу 1950-х гг., согласно тогдашней шкале, имелось 69 главных, 350 средних и 1600 малых центров. Население городов по возможности взято в их границах на данный год, а не по ретроспективным расчетам, учитывавшим позднейшее расширение. Методика расчета индексов динамики населения допускает пе-

реход городов в течение периода из одной категории в другую, т. е. применяются текущие (динамичные, по западной терминологии) размерные группы переменного состава.

Рис. 2.6.4 отражает колебания индексов по периодам начиная с середины XIX в. Это позволяет выявить первый переход от начальной крупногородской стадии U—I к более зрелой U—II, явно начавшейся после реформ 1860-х гг. С той поры и до «больших войн» XX в. большие и средние центры росли быстрее малых и сельских, указывая на продолжение стадии U—II⁴. Отрезок 1914–1926 гг. вместил мировую и гражданскую войны, революцию и разруху, когда Москва и Питер потеряли, по оценкам, до половины жителей⁵. Индекс всех главных городов сравнялся с сельским, уже близким к нулевой черте. Средние центры пали совсем низко, а малые и полугородские оказались чуть устойчивее. Все это — то ли преждевременная, то ли возвратная, но в любом случае кризисная децентрализация (контрурбанизация).

В 1926–1939 гг. с началом индустриализации бурно росли все города, а на селе шло сокращение. Кривые вернулись к порядку «большие—малые—средние», то бишь к начальной крупногородской стадии U—I. К 1940-м гг. она снова перешла в стадию U—II («большие—средние—малые»). Но грянула Великая Отечественная с ее громадными жертвами, и все кривые круто пошли вниз. А потом все сызнова: малые и полугородские поселения впереди средних. В 50-х гг. страна в третий раз и во второй раз в XX в. проходит стадию U—I, за которой в более спокойных позднесоветских условиях опять следует стадия U—II.

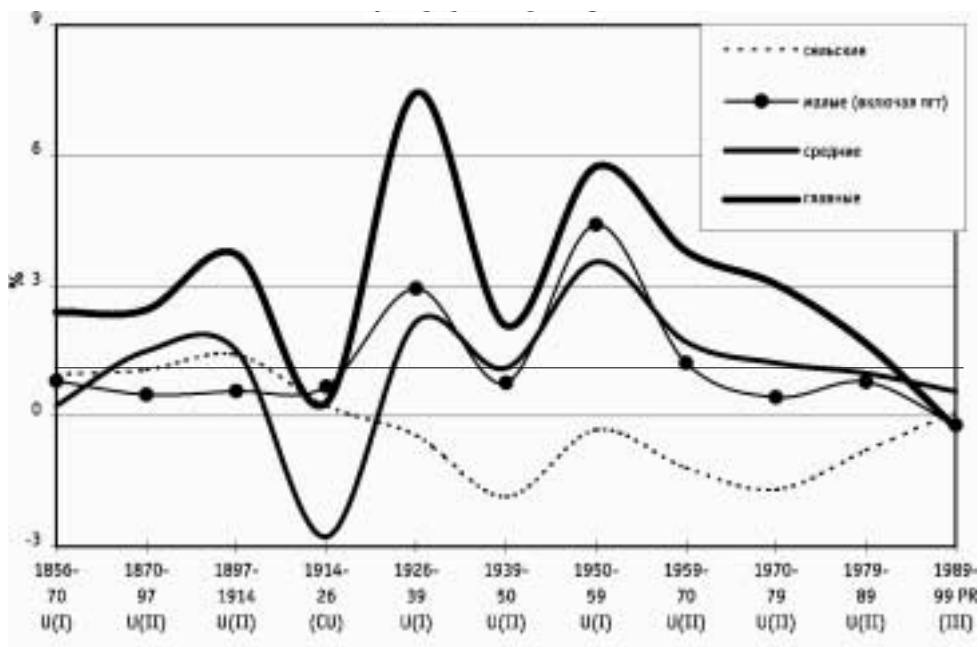
Таким образом, урбанизация в России имела целых три «запуска». Сначала в XIX в., с середины которого отмечена более зрелая стадия U—II. Ее прервал первый катаклизм века, после чего советский индустриальный бум запустил урбанизацию с исходной стадии U—I, вскоре перешедшей в U—II. В третий раз запускать U—I пришлось после Второй мировой войны. Поэтому весь график имеет вид очень частых и крутых волн. Эволюционный тренд, сам по себе волнообразный, здесь осложнен кризисными чередованиями стадий U—I и U—II, а также синхронными подъемами и спадами у центров всех категорий.

После третьего «запуска» зрелая крупногородская стадия U—II длится два-три десятилетия, хотя при этом рост главных городов постепенно замедляется. Позднесоветская урбанизационная инерция напоминает промышленную, выявляемую по структуре

⁴ По Б. Н. Миронову (1999, т. 1, с. 288–9), население Европейской России непрерывно концентрировалось в больших городах с середины XIX в. В XVIII в., по его данным, они как раз отставали, зато быстро росла доля городов размером 5–20 тыс. жителей — средних по меркам того века (как и следующего), когда средняя людность одного города составляла 4,65 тыс. человек. Возможно, это был преурбанистический поляризационный разворот, тем более, что рост наличного городского населения тогда вообще отставал от деревенского, несмотря на трехкратную прибавку числа городов. До 1860-х гг. не росла, даже сокращалась и доля горожан: 1742 г. — 13%, 1783 — 11,6%, 1856 — 9%. Лишь потом начался столь типичный для эпохи урбанизации подъем этой доли: 12,9% в 1897, 13,8% в 1910 и 15,3% в 1914 гг. (см. также главу 2.1).

⁵ Погибших и просто разбежавшихся по стране от голода и т. п. К декабрю 1926 г. Москва восстановила свое население успешнее Ленинграда. В новой-старой советской столице перепись зафиксировала 2 млн жителей вместо довоенных 1,8 млн, а в Ленинграде — 1,6 млн: до былого максимума ему не хватало 550 тыс. человек.

Рис.2.6.4. Изменение темпов ежегодного прироста населения в поселениях разного размера и статуса

занятий, когда сервисный сектор почти не рос после того, как превзошел индустриальный в 1970-х гг. (см. главу 4.1). Наконец, не то в 1980-х, не то уже в начале 90-х гг. начинается поляризационный разворот (PR). Теперь он кажется более естественным и своевременным. Правда, настораживает несвойственный ему спад темпов роста малых центров.

Обратим внимание и на сельскую кривую. По Джиббсу, ее пребывание ниже линии нуля — признак его стадий 3 и 4. В России это долгий путь от первых пятилеток до реформ 1990-х гг. Однако 5-ю стадию децентрации населения Джиббс датирует не выходом сельского и мелкогородского населения на положительную динамику, а прохождением ими нижних поворотных пунктов, когда спад в этих группах устойчиво ослабевает. Наше сельское население, судя по графику, прошло такой пункт еще в 70-х гг., а мелкогородское, сохраняя слабоположительные индексы, как бы попыталось догнать средние центры в 80-х. В общем картина нестандартна и требует более детального анализа.

Как известно, динамику населения определяют его естественное и механическое движение. В России естественная убыль в широких масштабах отмечена с 1992 г., причем городской кризис начала 90-х, продовольственные проблемы и ценовые шоки выз-

вали даже кратковременный миграционный отток из крупных городов, хотя и далекий от массового бегства из них в 1917–21 гг. А сельская местность вдруг начала принимать мигрантов, но в основном дальних — из бывших союзных республик и с окраин России.

Важным фактором стали административные преобразования: сотни пгт пожелали вернуться в сельское звание, дающее льготы по ряду услуг и по размерам личных земельных участков. Это сделало их главной сокращающейся категорией, терявшей и в числе, и в людности, причем даже больше главных городов (**табл. 2.6.1**). Некоторые поселки все же пополнили группу малых городов, а она росла и за счет более крупных при участившихся случаях сокращения их людности, став в итоге аккумулятором переходов из класса в класс на нижних этапах системы поселений.

Теоретики дифференциальной урбанизации полагают, что ее стадии лучше всего выявлять по сальдо миграций, но допускают его замену индексами динамики населения. Большой разницы в датировке, по их мнению, быть не должно. Демографический фон страны лишь поднимает или опускает кривые вдоль оси ординат, не меняя их взаимной дислокации и проекций точек пересечения на ось времени. Это, конечно, не совсем так. К тому же теория вовсе не учитывает влияния административных перестроек

Таблица 2.6.1. Число поселений разных размеров и статуса и численность населения в них, 1989–1994–2000 гг.

Статус и людность	1989	1994	2000
Число поселений			
Города, более 250 тыс. чел.	78	76	74
Города, 50–250 тыс. чел.	252	264	263
Города, 20–50 тыс. чел.	360	361	361
Города, менее 20 тыс. чел.	349	358	389
ПГТ	2193	2066	1875
Сельские поселения	152900	нет данных	нет данных
Население, тыс. чел.			
Города, более 250 тыс. чел.	54,2	53,4	52,6
Города, 50–250 тыс. чел.	24,4	25,8	25,6
Города, 20–50 тыс. чел.	11,6	11,6	11,7
Города, менее 20 тыс. чел.	4,3	4,5	4,9
ПГТ	13,5	12,2	11,2
Сельские поселения	39,1	39,9	39,4

Источники: Численность... 2000, с. 16–22; Население России 1999, 2000, с. 16.

и «передач» центров из одной категории в другую — различных по направлению на разных стадиях. Поэтому анализ нетто-миграций, притом по стабильным группам, все же крайне желателен.

Сравнительно достоверные и подробные данные о миграциях появились в основном во второй половине века; сводные цифры для городского и сельского населения имеются год за годом с 1960-х гг. (рис. 2.6.5). Сравнения с более ранними отрывочными сведениями позволяют заключить, что 1950–70-е гг. были периодом весьма масштабного перетока россиян из деревни в город. Впрочем, на графике видно, что города и потом оставались привлекательными для мигрантов за вычетом краткого провала в начале 90-х гг. До этого кризисного отрезка их рост зеркально отражал отток из сел, бывший главным мотором классической урбанизации, независимо от характера кризиса (резкие перепады либо некие волны, не всегда объясняемые эхом войн и т. п.). А 90-е годы — иные. На них повлиял и недолгий кризисный отток из городов, и приток дальних мигрантов, питавший город и село. Внешний баланс всей России стал позитивным с 1975 г. Пройдя пик в середине 90-х гг., он остался важным для динамики населения, хотя заниженным статистикой.

Что касается балансов по городам, то у нас они есть с 1970 г. для отдельных дат (рис. 2.6.6). На этот раз стадия зрелой урбанизации U–II, типичная для 70-х гг., сменяется разворотом к повышенной аттрактивности средних и малых городов (PR–III) уже с 1980 г., т. е. раньше, чем показали сдвиги в людности (рис. 2.6.4). Впрочем, отличие обусловлено скорее методом расчета, чем самим признаком. Индексы динамики населения измерялись как среднегодовые за декаду для всего населения данной размерной группы городов, а сальдо миграций (в % к населению каждого города) исчислено как простое среднее по каждому городу, входящему в группу. Кроме прочего, это позволяло уменьшить влияние по существу случайной выборки городов, предлагаемой статистикой в разные годы⁶. Если тем же способом рассчитать для тех же лет сдвиги в населении по группам городов, то разворот тоже окажется смещенным на начало 1980-х гг.

Есть и другая проблема. В теории показатели малых городов на стадиях поздней урбанизации и ранней реверсии должны быть отрицательными, а на наших графиках они положительные. Но в этом отношении довольно уязвима сама теория дифференциальной урбанизации. Ведь грань между городом и селом разнится по странам статистически, функционально и ландшафтно.

Для западных исследователей она бывает несущественна⁷. У нас данных о миграциях по пгг нет, как нет их по сельским размерным категориям. Но если учесть общий от-

⁶ Данные по миграциям охватывают от 340 до 1065 конкретных городов; они получены в ВЦ Госкомстата России для совместной работы с Институтом страноведения г. Лейпцига (см. также главу 2.3).

⁷ На Западе сплошь каменные сельские поселения трудно отличить от малых городов. В России же малые города и поселки сплошь и рядом неотличимы от сел. Например, для Дж. Филдинга (1989) не так важно, село это или малый город, ибо, оперируя данными по сельским и городским коммунальным Францией, он рассматривает как малые все коммуны, где живет менее 10 тыс. человек. Однако во второй половине 1950-х гг., когда Франция вошла в стадию PR, положительный прирост имели именно и только городские коммуны, а все сельские отдавали население. И картина оставалась таковой примерно до 1970-х годов.

Рис. 2.6.5. Ежегодный миграционный баланс городского, сельского и всего населения с 1960 по 1999 гг.

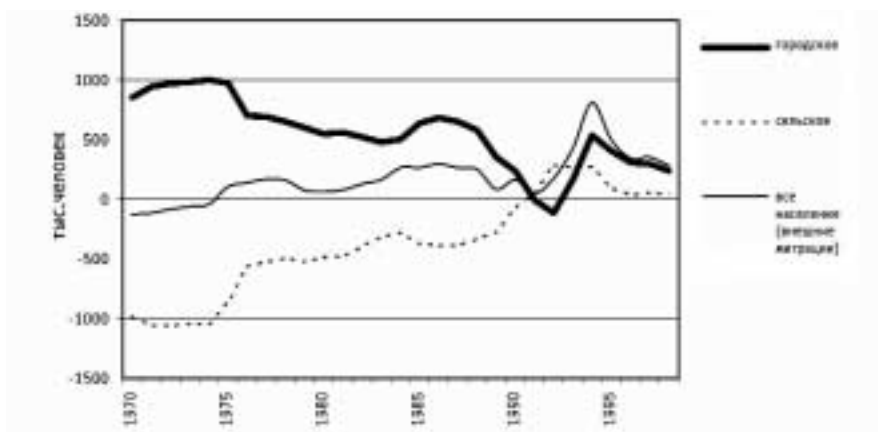
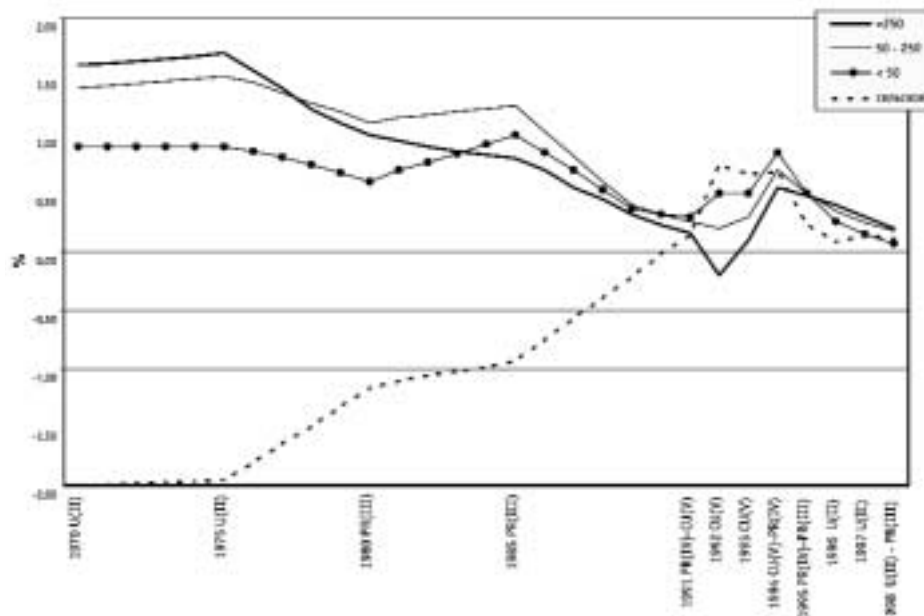

Рис. 2.6.6. Миграционные балансы в городах разного размера и на селе по отдельным датам за период 1970–1998 гг., в % к числу жителей

ток из сел в 1980-х гг. и сложить сельскую кривую с мелкогородской на рис. 2.6.6, то стадия PR-III в России станет похожей на предписание универсальной схемы. *Она все-таки началась в 80-х гг. и, видимо, еще до горбачевской перестройки*, сперва чем-то напоминающая «неуверенную терциаризацию» структуры занятий⁸. Зато это говорит о ее естественном эволюционном характере.

Начало 1990-х гг. отмечено как бы перескоком к ранней контрурбанизации (CU-V), если исходить из формального порядка кривых. Правда, село и малый город были полюсами притяжения мигрантов три года (1992–94), т. е. при первых ударах кризиса, когда отмечался отток из больших городов и приток репатриантов из СНГ, достигший апогея в 1994–1995 гг. Эти переселенцы, в основном горожане, тоже направлялись в села и малые города. Почему? Ответ можно сформулировать в виде двух принципов: «жилье вместо работы» и «дешевизна вместо заработка». Ведь эти миграции были в значительной мере стрессовыми. Переселенцы могли чаще рассчитывать на какую-то поддержку властей, бесплатное жилье, кредиты в сельской и полусельской местности (Миграции и урбанизация., 1999, с. 67–100, 199–240, 241–268). Однако обследования показали, что там они адаптируются хуже, чем в больших городах, и многие хотят в них перебраться. Значит, эта контрурбанизация может обернуться урбанизацией, только задержанной необычной шоковой обстановкой. В известном смысле ее можно назвать, по аналогии с рождаемостью в те же годы, отложенной урбанизацией.

На самом деле лишь главные города и лишь в 1992 г. показали чистый отток мигрантов. Теория ожидает того же от городов среднего размера, если расселение последовательно переходит в стадию деконцентрации. В России этого нет. Тут деньги легче заработать в большом городе, и чем он больше, тем легче. Здравый смысл вообще подсказывает, что если в бедной стране есть процветающие центры, то они привлекут население.

Так и вышло. В 1996 г. новая перестройка кривых на рис. 2.6.6 обозначила откат маятника назад к стадии зрелой урбанизации, но уже на общем фоне низкой миграционной мобильности при сохранении административных и появлении новых экономических барьеров для мигрантов в главных городах. В конце концов показатели главных и средних центров так сблизилась, что стало вероятным возвращение к докризисному порядку реверсии (PR), которая, пожалуй, и является «нормальной» эволюционной стадией для России конца XX века.

Географические различия в дифференциальной урбанизации

Попробуем выявить степень синхронности или асинхронности в прохождении всех тех же стадий городскими системами разного масштаба. Теоретики дифференциальной урбанизации считают, что районы функциональные (экономические или выделяемые по трудовым связям) в этом случае предпочтительнее административных. Их «типоразмеры» могут быть разными; тут важно учесть общие размеры и уровень освоенности территории.

⁸ См. главу 4.1.

Городские суперсистемы типа мегалополисов, урбанизированных поясов и т. п. ближе к уровню крупных экономических районов, чем регионов — субъектов РФ. Что до местных систем, вмещающих суточные и недельные циклы жизнедеятельности, то это скорее масштаб городской агломерации (ГА), как зоны потенциальных поездок такого рода (Лаппо, 1978, 1997; Полян, 1988; Пивоваров, 1994 и др.). Пять-шесть десятков ГА, включая в себя треть всех городских поселений страны, выглядят островками или небольшими архипелагами в океане ее периферии, но они все равно «системнее» 89 субъектов. Те, хоть и покрывают всю территорию (как и 11 экономических районов), зачастую куда обширнее, чем требуется для сколько-нибудь интегрированных систем расселения.

Крупные экономические районы: миграционные балансы городов

Попробуем представить основные макрорегиональные варианты урбанизации на территории Европейской России с помощью анализа миграций по тем же размерным категориям городов. Наши крупные районы априори различны по уровню экономического и городского развития, по зрелости городских сетей, однако это не всегда соответствует различиям в их эволюции по критериям дифференциальной урбанизации (табл. 2.6.2).

Центральный район (рис. 2.6.7а), возглавляемый столичным гигантом, имеет еще 11 главных городов, областных центров. Зрелая крупногородская стадия U–II задержалась тут явно потому, что все эти центры долго стягивали мигрантов, в том числе из села, с учетом которого все нижние этажи расселения имели бы негативный баланс вплоть до 90-х гг. С 1991 г. главные города, сохраняя общегрупповой приточный баланс, отходят на последнее место по аттрактивности. В Москве кризисные миграционные потери отмечены в 1991–93 гг., в Иваново — только в 1991 г., в Калуге и Владимире — в 1992. Тренд 90-х — это нечто среднее между ранней и зрелой стадиями разворота. Порядок кривых соответствует PR–IV, но в теории он предполагает отток из главных городов, а его нет или он очень краток. Да и показатель села теперь почти не отличается от мелкогородского.

Северо-Запад — район сверхмоноцентричный. В его единственном главном городе Петербурге живет 69% горожан (доля Москвы в Центре вдвое ниже). Ни в собственном его регионе, ни в Новгородском и Псковском нет городов крупнее 250 тыс. жителей, но именно их центры и другие города промежуточной категории обогнали Ленинград еще с 1970 г. (рис. 2.6.7б), а в 80-х гг. он уступил и малым городам. В середине 90-х те вышли вперед, и их отрыв от двух других групп был большим, чем в Центральном районе. Миграционный отток из Петербурга задержался на год дольше по сравнению с Москвой, и «перехлест» городской эволюции в стадии PR–IV и CU–V был более явным, хотя тоже недолгим. В общем район выглядит более продвинутым и зрелым с точки зрения данной теории.

Таблица 2.6.2. Стадии дифференциальной урбанизации в некоторых экономических районах

Экономические районы	Доля городского населения, %	Всего городов / главных	Стадии урбанизации по признаку соотношения миграционных балансов в главных, промежуточных и малых городах			
	1998	1998	1970	1980	1991	1998
Центральный	83	251 / 12	U–II	U–II	PR–III / IV	PR–III / IV
Северо-Запад	87	62 / 1	PR–III	PR–III / IV	PR–IV	PR–III / IV
Урал	74	150 / 11	U–II	PR–III	PR–IV	PR–III
Ц.-Черноземный	62	50 / 5	U–I	U–II / PR–III	PR–III / IV	U–I
Северный Кавказ	55	104 / 7	PR–III	PR–III	CU–V	PR–IV
РФ в целом	73	1095 / 75	U–II	PR–III	PR–IV	U–II / PR–III

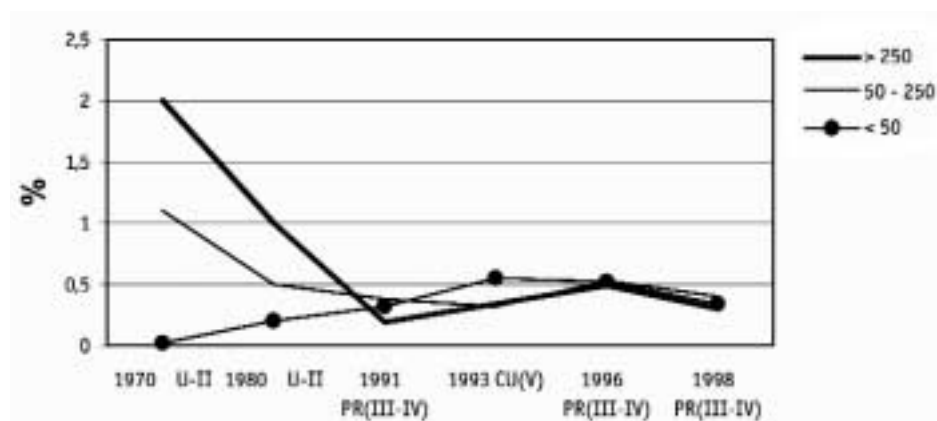
Старопромышленный и полицентричный Урал, расположенный в срединном поясе России, демонстрирует усредненную урбанистическую траекторию, весьма близкую к общенациональной. Пожалуй, это даже более законченная модель последней, так как здесь совсем не видно преждевременной контурбанизации. Меньшие города не были лидерами удельного миграционного прироста, а главные не имели отрицательного баланса (**рис. 2.6.7в**). Урал — «чистый» пример прохождения стадии PR–III с кратким отклонением к следующей, PR–IV. Что, в свою очередь, с учетом его срединности и типичности, подтверждает верность общероссийской стадияльной идентификации.

Центральное Черноземье явно отстает. На **рис. 2.6.7г** мы сначала видим его даже не на зрелой, а на ранней стадии урбанизации U–I. Впрочем, миграционные потери села еще в 1970-х гг. достигали там 1–3% в год (Зайончковская, 1991, с. 83), общий баланс на нижних этажах расселения в целом был откровенно негативным. А это все же признак стадии U–II. Позже сельские миграции уже не влияли на общую картину в такой степени, как в Центральном районе. Следующая стадия поляризационной реверсии (PR–III или PR–IV), хотя и без миграционных потерь в главных городах, вполне типична для России в разгар кризиса. А вот реурбанизация (U–II) с 1996 г. нетипична (как ни странно, это также случай Восточной Сибири). В то же время сближение кривых малых и средних городов сулит возврат к «нормальному» поляризационному развороту.

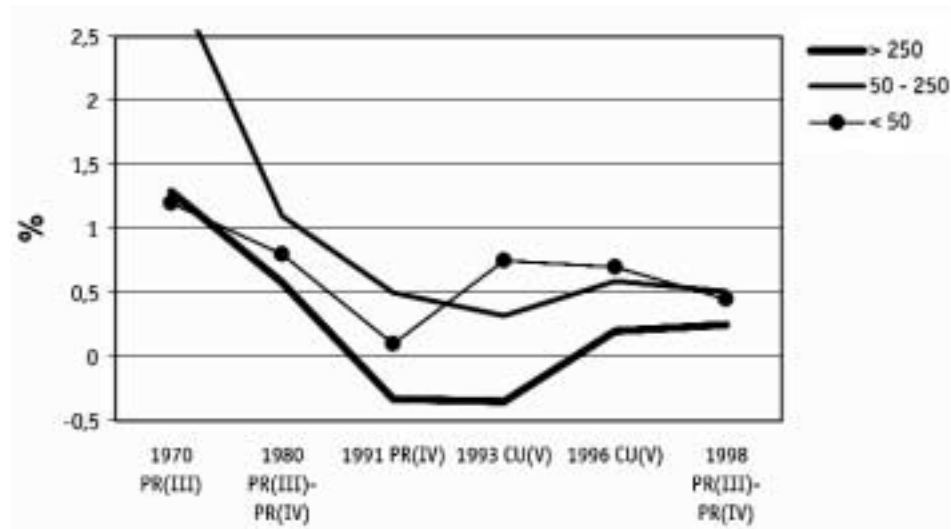
Эволюция Северного Кавказа, наименее городского района России, просто удивительна, поскольку выглядит опережающей, а не отстающей (**рис.2.6.7д**). В 1970-х гг. лидером роста была промежуточная категория — признак PR, обусловленный тем, что сюда входят курорты (Сочи, центры Кавминвод) и столицы регионов. Правда, реверсия далека от параметров, предписанных теорией. Городских отточных групп здесь не было, село теряло мигрантами около 1% жителей в год. Но если считать главным признаком порядок кри-

Рис. 2.6.7. Миграционные балансы городов в отдельных крупных районах Европейской России, 1970–1998 гг., в % к числу жителей

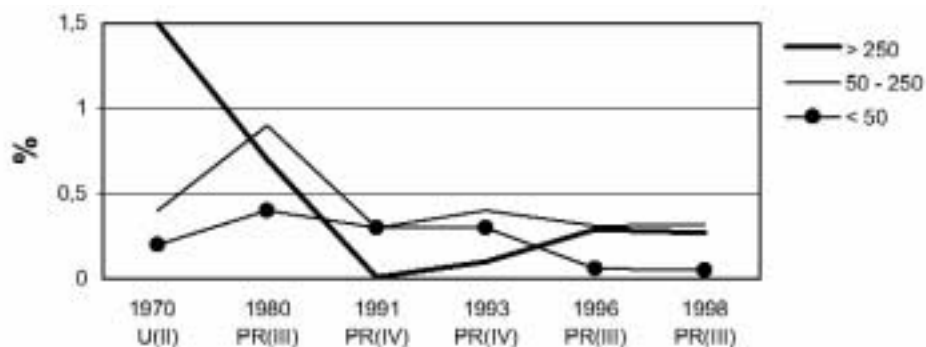
а. Центральный район

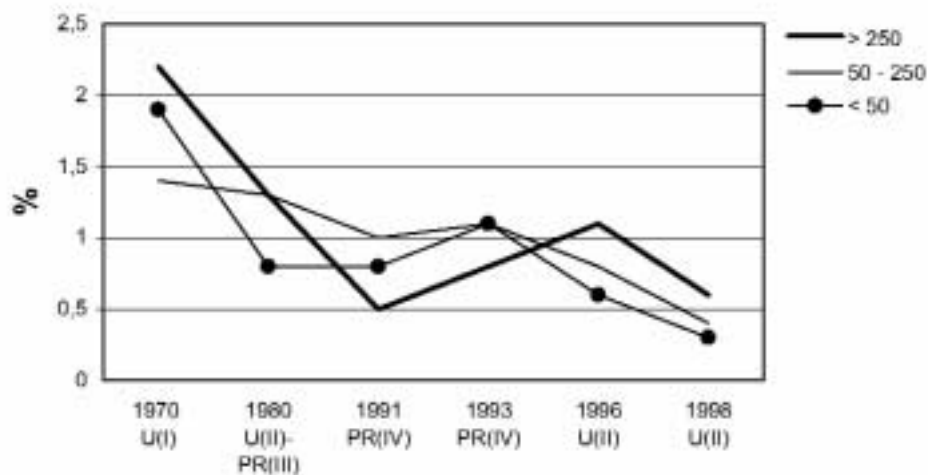
б. Северо-Западный район

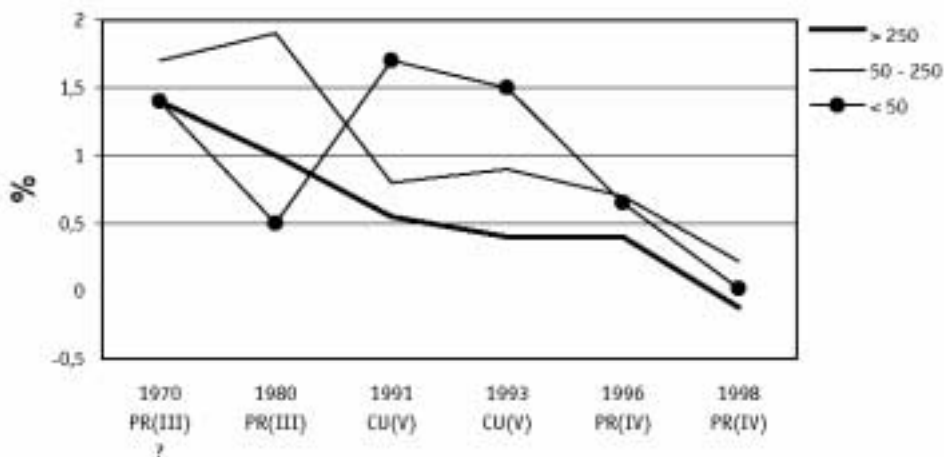
в. Урал

г. Центрально-Черноземный район

д. Северный Кавказ

вых, то придется заключить, что район первым «перепрыгнул» в стадию контрурбанизации (CU–V) в 1991 г. Нижние этажи его расселения привлекают переселенцев из СНГ, беженцев из ближних горячих точек. В возвращении к стадии PR–IV к концу века ничего странного уже нет. Зато уникален отток из главных городов в 1998 г. за счет Махачкалы, не говоря о Грозном, хотя он из-за отсутствия данных вообще исключен из расчетов.

Итак, некоторые районы отходят от общероссийского и теоретического трендов, причем кавказская «продвинутость», в отличие от северо-западной, никак не вяжется с отсталостью района. Острый кризис как-то объясняет события 1990-х гг., но не раннее вхождение в стадию PR. Возможно другое — скачок от ранних стадий сразу к поздним, подобное сдвигам в структуре занятий районов поздней урбанизации, идущих от аграрной экономики к сервисной минуя крайности индустриализации (см. главу 4.1).

А проходил ли Северный Кавказ стадию урбанизации? Судя по динамике людности его главных и средних городов (за исключением сальдо миграций), вроде бы да: 3,1 и 2,7% в 1960-х гг. В 70-х порядок поменялся: 1,6 и 2%. Однако в 1970 г. он еще стоял на пороге урбанизационного перехода, горожане не составляли там половины населения (см. главу 2.5). Притом в Ростовской части переход состоялся в 1953 г., как на Владимирщине, а в Дагестане и у его соседей горожан и теперь всего только 40%.

Все крупные районы тоже неоднородны. Попробуем проследить дифференциальные стадии, скажем, у трех разных типов субъектов РФ, выделенных в главе 2.5 по срокам урбанизационного перехода (**табл. 2.6.3**). Его пионеры (два столичных, два уральских, Ивановский и Мурманский регионы) начали разворот к 1980-м гг., в начале

Таблица 2.6.3. Дифференциальная урбанизация в трех типах регионов Европейской России

Типы (группы) регионов по времени урбанизационного перехода	Категории городов, стадия урбанизации	Среднее сальдо миграций на 10 000 жителей городов и стадии урбанизации по их соотношению в главных, промежуточных и малых городах				
		1970	1980	1991	1992–94	1996–98
С ранним переходом (до 1941 г.)	Главные	11,6	5,6	-4,1	-2,7	1,9
	Средние	5,4	7,8	2,7	3,9	4,9
	Малые	3,5	2,4	0,5	4,1	3,1
	СТАДИЯ	U–II	PR–III	PR–IV	CU–V	PR–IV
Со средним по времени переходом (1961–70 гг.)	Главные	25,3	19,6	2,6	2,0	2,2
	Средние	15,4	8,7	4,1	6,0	4,5
	Малые	11,2	0,6	3,8	9,0	4,5
	СТАДИЯ	U–II	U–II	PR–IV	CU–V	CU–V / PR–IV
С «неровным» и незавершенным переходом*	Главные	18,4	9,9	-0,5	-5,3	3,0
	Средние	19,3	12,6	8,7	11,5	5,7
	Малые	14,3	0,2	20,0	11,0	4,1
	СТАДИЯ	PR–III	PR–III	CU–V	PR–IV	PR–IV

* Без Чечни, Ингушетии и Астраханской области

90-х он перешел в более зрелую фазу. Далее — обычное для кризисной России забегание в контрурбанизацию и возвращение к стадии PR, причем с положительным сальдо в главных центрах. В регионах, перешагнувших рубеж 50% городского населения в 1960-х гг. (их девять, от Новгородского до Оренбургского), урбанизация наблюдалась и в 1970, и в 1980 гг. Затем они почти догнали пионеров: в 1991 г. средние и малые города там стали привлекательнее крупных. Правда, не было оттока из главных городов. И к этому не вполне обычному PR они все-таки тоже возвращаются после недолгой де-концентрации мигрантов «вниз» по иерархической лестнице городов.

У отставших регионов с неровным и незавершенным переходом (часть Северного Кавказа без Ростовской области, Чечни и Ингушетии) концентрации «вверх» по лестнице не было и нет, что теория трактует как... отсутствие урбанизации. Похоже, схема непригодна для регионов, столь сильно и хронически запаздывающих, что это меняет классическую последовательность процесса. И не странно ли, что в 1996–98 гг. регионы самых разных уровней развития урбанизации дружно сошлись к одной и той же стадии PR(IV)? Хотя мы и говорили об органичности разворота для России конца XX в., но такое можно объяснить разве что кризисным нивелированием всех эволюционных различий.

Регионы и городские агломерации: динамика населения

Европейские авторы часто берут вместо городов территории (коммуны, районы и т. п.), благо они там крошечные. И наблюдают то же самое: при урбанизации быстро растут места с большим населением, затем со средним, а при контрурбанизации — малонаселенные. Как вели себя на разных стадиях регионы России? Сравнив динамику городского населения за 1926–99 гг. по группам регионов-субъектов с разным числом горожан, тут же выясняем, что вплоть до 1990-х гг. регионы поменьше обгоняли в росте средние (250–1500 тыс. чел.), а те — самые мощные. В 1990-х годах прирост населения в крупно- и среднезаселенных регионах стал нулевым, а в малонаселенных — отрицательным (за счет оттока с Севера и Востока России). О том же говорят данные миграционных балансов на отдельные даты.

Аналогичный результат получен для городских агломераций (ГА)⁹. Рост трех категорий ГА (свыше 1 млн чел., 0,5–1 и до 0,5 млн) снижался равномерно без признаков изменения стадии, причем стадии если не контрурбанизации (что в данном случае звучит нелепо), то децентрализации: малые ГА росли быстрее средних, средние опережали крупные. Итог не зависел от динамической или статической группировки, т. е. от того, разрешалось ли конкретным ГА по мере их роста переходить из класса в класс в течение всей эпохи или одной декады. Без 16 новых ГА, возникших за 40 лет, картина остается такой же.

Налицо прогрессирующая деконцентрация городского населения по регионам и по сети агломераций, характерная едва ли не для всего столетия бурной урбанизации России. Конечно же, это та самая закономерность, по которой «ниже уровень — выше темпы роста»¹⁰. Но не противоречит ли она всей логике дифференциальной урбанизации, ожидающей при этом лишь укрупнения главных городов, ядер агломераций? Противоречие есть, и оно имманентно самому явлению. Ведь урбанизация сопряжена с пространственной диффузией, с появлением во все большем числе стран и районов своих лидеров, крупных городов и ГА. Иначе России, Восточной Европе, странам Третьего мира никогда не удалось бы приблизиться к Западу по массе и доле горожан.

Вспомним, что до 1960 г., как и в 1897, Россия располагала двумя столичными городами-миллионерами, теперь же их дюжина. За первую половину века население столиц выросло в 3,2, а десятки догонявших их будущих гигантов — в 4,3 раза; рост за вторую его половину составил 1,8 и 2 раза. В 1959 г. агломераций с 2 млн горожан и более было две (те же столичные), а в 1999 г. стало пять. Внутри крупнейших категорий, и не только в них, давно шло подтягивание новичков к старым лидерам, децентрализация роста.

Впрочем, широкая диффузия нашей урбанизации могла быть отчасти результатом политики «рассредоточенной концентрации» и советского надзора за ростом крупней-

⁹ По данным о населении ГА согласно их делимитации и банкам данных П. М. Поляна для межпереписных периодов за 1959–89 гг. и собственным расчетам по текущей статистике на 1999 г. (см. Приложение 4).

¹⁰ См. главу 2.5.

ших городов-центров ГА, о которых сказано в начале главы¹¹. Сдерживая рост старейших очагов урбанизации, они, вместе с шествием по стране промышленных новостроек, способствовали постоянному появлению и ускоренному росту новых очагов. И все же раньше не было такого разрыва между гигантскими сгустками, теряющими население из-за его старения, спада миграций, и еще растущими «малышами». Стягивание горожан в агломерационные зоны после 1979 г. вообще прекратилось, их доля в населении стала падать (Лаппо, 1997, с. 359–360). На этом фоне стал особенно заметен рост некоторых малых и новых ГА. Однако природа разрыва — кризисная или эволюционная — не вполне ясна.

Дифференциальная урбанизация внутри городских агломераций

Теперь попробуем выявить закономерности динамики городского населения внутри агломераций по поселениям разного размера и разной удаленности от главного центра. В силу сложности задачи реализуем ее хотя бы на отдельных примерах.

Крупнейшая Московская агломерация, хотя и включает 150 городских поселений, фактически лишена субцентров второго ранга (Шупер, 1983). Самый крупный из них — Зеленоград с его 207 тыс. жителей — относится к ближайшему поясу городов-спутников и административно подчинен Москве. Однако именно его промежуточная размерная группа возглавляла рост подмосковных городов в прежние десятилетия, что свидетельствовало о наличии затяжной стадии поляризационного разворота (PR–III), перешедшей в стадию контрурбанизации (CU–V) в 90-х гг.

Большинство других российских ГА остаются гораздо более промышленными по своим функциям. Тем не менее, например, Нижегородская демонстрирует эволюцию, очень близкую к столичной. А Ростовская ведет себя иначе. Вначале ее средние города, включая Таганрог, росли быстрее малых. Затем вперед вышел сам Ростов-на-Дону, тогда как средняя группа, включающая угольно-металлургические центры Ростбасса, отстала от остальных. Примечательно, что такая реурбанизация наблюдалась в городском сгустке сельского Северного Кавказа с его необычной опережающей контрурбанизацией. В Ростовской же ГА эта стадия закономерным образом началась лишь в 1990-х гг.

Некоторые варианты теории дифференциальной урбанизации постулируют связь каждой стадии как с размером, так и с расстоянием «подчиненных» городов от их главного центра. Мы попытались проверить это на примере Московской агломерации, сгруппировав ее города в пять зон, в основном соответствующих поясам подмосковных районов. Зона 1 включает ближайшие, срастающиеся с Москвой спутники (до 20 км от

¹¹ Эту версию подтверждает хотя бы поверхностное сравнение с динамикой американских ГА. По В. М. Харитонову (1983, с. 54), там в 1950–60-х гг. лидером роста была их вторая размерная группа (из шести) с 1–3 млн человек, что как бы соответствует стадии PR. Контрурбанизация 70-х гг. сделала негативной динамику ГА-гигантов (более 3 млн), а пик рост сместила в предпоследнюю группу (100–250 тыс.).

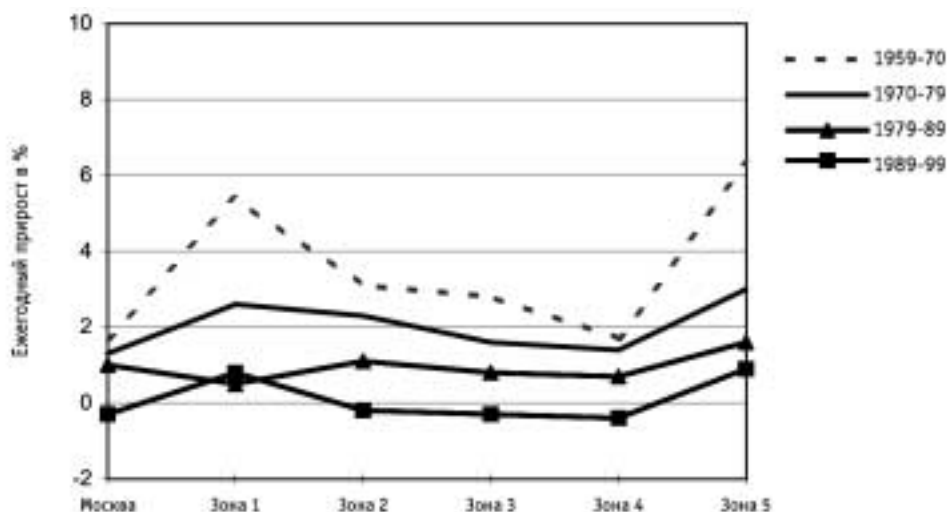
границ столицы). Самая дальняя 5-я — включает окраины ГА, выходящие за пределы Московской области вдоль магистралей, или «карманы», по Б. Б. Родману (80–120 км).

Рис. 2.6.8 показывает, что именно эти две крайние зоны быстрее всего росли в 60-х гг. Потом рост везде замедлился, проявилась тенденция к нивелированию. Первая зона в 80-х гг. уступила как более дальним, так и Москве в ее современных границах. Однако в 90-х начался некий новый цикл, как бы повторяющий картину 60-х, но только с гораздо более низкими, часто негативными индексами динамики.

Согласно теории, средние города как лидеры поляризационного разворота должны расти тем раньше, чем они ближе к главному городу; затем рост охватывает и более удаленные города данной группы. Именно это происходило в Московской агломерации. В 1960-х гг. ее рост возглавили ближайшие к столице города среднего размера, а чем дальше они размещались, тем медленнее росли. Впоследствии полюс роста отступил во вторую зону. Впрочем, резкий взлет дальней пятой зоны в 1970-х гг. вызван отсутствием там подобных городов раньше, тогда как малые города в среднем подрастали всего лишь на 5% в год в 1960-х и на 3% в 1970-х годах. В последнем десятилетии происходит то же самое, что показал график — новый цикл фокусирования роста в ближайших пригородах Москвы и в самой дальней пятой зоне «заобластных карманов».

Что касается малых городов, то дальние (в зонах 5, 4, а потом и 3) раньше росли быстрее. Это отчасти связано с усилиями планировщиков локализовать рост новых, скажем научных, центров на периферии области. А в последнее десятилетие века по-

Рис. 2.6.8. Динамика городского населения в Московской агломерации по зонам удаленности

рядок опять тот же, что на рисунке 2.6.8: 1% роста в 1-й и 5-й зонах, в срединных же его почти нет.

Ускоренный рост населения в самых ближних и самых дальних пригородах Москвы отмечался ранее (Московский., 1988) и считался проявлением барьерного эффекта оседания мигрантов и трудоемких предприятий у внешнего рубежа весьма притягательных для них, но ограничиваемых в развитии ареалов¹². Ограничения имелись и в Москве, и в Московской области, граница которой тоже служила «барьером-накопителем». Ныне, при сохранении административных (особенно в Москве), куда эффективнее новые рыночные регуляторы. Взять хотя бы резкие контрасты цен на жилье. В 1995 г. в городах вроде Мытищ и Пушкино они были вдвое ниже московских, но выше, чем в более крупных региональных столицах соседних областей. Велики и перепады цен на земельные участки внутри Московской области и между нею и соседями, хотя этот рынок по сути дела теневой (Миграции., 1999, с. 248; Нефедова, 1998).

Отсюда усиление барьерной экономической роли административных границ и новый центростремительный цикл (реурбанизация) на рис. 2.6.8. Впрочем, возникает коварный вопрос: как эта деконцентрация, отмечаемая при анализе динамики размеров групп городов в 90-х гг., может сопровождаться новой концентрацией, выявляемой по различиям в динамике тех же городов, расположенных на разном удалении от Москвы?

Вообще-то многое в формальных методах теории дифференциальной урбанизации начинает вызывать сомнения. Ведь очевидно, что Москва и ее спутники как были, так и остаются притягательными для мигрантов, обходящих все препоны, благо спрос на рабочие руки всегда велик в стареющих городах. И власти, как ни запирали въездные ворота, вынуждены были удовлетворять его то в виде найма по лимиту, то глядя сквозь пальцы на нынешних гастарбайтеров. Просто раньше их регистрировали несколько лучше. И если бы все они регистрировались теперь, то их наличное число вполне могло бы превысить 400 тысяч — официальную убыль населения Москвы за 1990-е гг., вызванную превышением смертности стареющих москвичей над рождаемостью.

Даже по статистике сальдо миграций в эти годы было чаще всего позитивным, а к концу 1990-х гг. город вернулся к чистому притоку, характерному для предыдущей декады (**табл. 2.6.4**). В Подмосковье приток регистрируемых мигрантов постоянно превышал их регистрируемый отток. Что же касается взаимного обмена города с областью, то до 1990 г. он подпитывал население Москвы, а последующий разворот в обратном направлении продолжался до 1996 г., т. е. длился дольше, чем трехлетний период отрицательного общего миграционного прироста в столице.

Все это, да еще невиданный бум частного строительства в окрестностях главных городов подталкивало (даже специалистов) к выводу о том, что Россия вошла в стадию субурбанизации хотя бы за счет «новорусских» пригородов. Это согласуется с социальным разделом дифференциальной теории, включающим тезис о сочетании центробежного потока обеспеченных, а затем средних слоев населения (их оттока из больших городов) с центростремительным, состоящим из бедных, менее образованных людей

¹² См. главу 4.2.

Таблица 2.6.4. Миграционные балансы Москвы и Московской области, в тыс. чел.

	1980	1985	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998
Москва	84,5	62,5	45,5	-13,4	-23,5	-16,5	10,8	24,4	35,6	47,8	60,6
Московская область	27,1	34,5	42,6	12,1	11,4	22,0	53,8	43,6	44,3	39,6	37,8
Обмен Москвы с областью	16,6	10,2	3,3	—	—	—	—	-6,3	-4,2	2,4	7,0

Рассчитано по: Миграции в Московской... 1999; Численность и миграции... 1998, 1999, 2000.

(пополняющим эти города). Оно характерно уже для зрелой стадии урбанизации и особенно при поляризационном развороте (Berry, 1976; Geyer and Kontuly, 1993).

Но не будем спешить. Растущие в наших пригородах особняки, даже оборудованные по самому высшему и всесезонному разряду, обычно используются в режиме дач. У владельцев есть машины, но прописаны они в городе, где в основном и живут. Чтобы убедиться в этом, можно просто сравнить число освещенных окон в элитных подмосковных поселках летом и зимой. Исключение — дальние зажиточные мигранты, строящиеся в дачных пригородах вместо главного города, но привлекаемые именно им.

Впрочем, есть другой поток: бедных, чаще пожилых горожан, живущих круглый год за городом и сдающих квартиры внаем ради добавки к пенсии или компенсации потери зарплаты (ибо, покинув главный город, они обычно теряют и работу). Именно тот факт, что новые рабочие места, кроме собственно строительных, мало реагируют на коттеджный бум, свидетельствует, по западным меркам, как минимум, о незрелости нашей субурбанизации. Бедная «дезурбанизирующаяся» группа официально тоже приписана к главным городам, где оставляет и средства существования (ту же квартиру). Что же касается богачей, то в пригородах и дальних зонах концентрируются не столько они сами, сколько их капиталы. Другое дело, что второе жилье, русскую дачу как собирательное понятие можно считать сезонной суб- и контрурбанизацией, обусловленной многими факторами и гораздо более массовой, чем, например, автомобилизация¹³.

Выход для российского «энвайронментализма», открытый широким социальным слоям и усиленный склонностью к агро-рекреационным занятиям в условиях дефицита или дороговизны продовольствия, явно задерживает контрурбанизацию западного типа как поддающееся учету передвижение в сельские пригороды и малые города на постоянной основе. В наших пригородных зонах статистически регистрируемый рост малых поселений есть прежде всего результат их наполнения дальними мигрантами, привлекаемыми главными городами с их рынками труда, а не смены места постоянного жительства крупного городского населения.

Процессы, наблюдаемые в конце XX в., не являются чем-то принципиально новым. Это все то же наращивание «планетарных систем» В. П. Семенова-Тян-Шанского, тех колец, в которые издавна собраны спутники главных российских метрополий. Оно в прин-

¹³ См. главу 4.2.

ципе неоднородно, рост передается от одной «орбиты» к другой. И пока это в основном результат стягивания населения, вовлечения его в орбиту главных центров, которому на протяжении веков препятствовали те или иные барьеры, создаваемые управлением.

Они, как давно установлено, закрывали не столько въезд в центры, сколько выезд из них. В России было и осталось опасно потерять свою причастность к ним. Например, для пенсионера, выезжающего из Москвы «на природу», важна сама возможность вернуться в столицу, чтобы в глубокой старости не оказаться слишком далеко от детей и медицинских центров. Ни старая, ни новая система с присущими ей колебаниями цен на жилье и т. п. этого не гарантируют. В несвободе передвижения, заданной не столько законами, сколько социальными контрастами пространства, состоит одно из главных отличий «полубедной» и полупериферийной (в целом) России от развитых стран, где подвижность населения в суточном, недельном и жизненном циклах на самом деле гораздо выше.

Справедливости ради отметим, что мотивации людей в этих циклах и выборе места жительства различаются меньше. Да и внедрение рыночных механизмов все же влияет на поведение россиян. Так, к субурбанизации их теперь толкает двойная выгода: возможность на законном основании благоустроить второе дачное жилье до уровня первого городского, сдав это первое внаем по высокой цене (особенно в Москве), плюс относительная дешевизна загорода. Все это стимулирует «западоподобные» процессы, о которых сказано выше. А сдерживают их слабая инфраструктура и сервис, включая дефицит телефонов даже в ближних окрестностях Москвы, все еще плохие местные дороги, низкая автомобилизация и дефицит достойных мест приложения труда.

О переходе к суб- и контрурбанизации в массовом масштабе можно будет говорить тогда, когда за город на основное место жительства потянется российский средний класс. Не исключено, что в наших условиях привлекательными в этом отношении окажутся скорее малые города и их окрестности, чем чисто сельская местность. Тогда и выявить этот процесс, если его начнет фиксировать статистика (сейчас она просто бессильна), можно будет с помощью теории и схем дифференциальной урбанизации.

Эту теорию, родившуюся и проверенную сперва в развитых странах, все чаще пытаются приложить к мировой периферии и полупериферии. Но, во-первых (простейший вариант), она, если и повторяет те же эволюционные стадии, то с задержкой, а значит, уже не буквально, хотя не исключено ускорение и догоняющее развитие. Во-вторых, вероятны отклонения от универсальной последовательности стадий или, во всяком случае, от их западных характеристик, обусловленные местной спецификой и особыми причинами, нарушающими классический, или нормальный, ход событий. Что считать нормальным или аномальным — в каждом случае отдельный вопрос. Российский случай не уникален, но он и не самый легкий. Все же попробуем в заключение подчеркнуть его специфику.

Повторим, что в XIX–XX вв. страна трижды прошла через раннюю и зрелую стадии крупных городов из-за потрясений и кровопусканий, имеющих мало аналогов в истории. В итоге урбанизация заняла полтора столетия, что можно расценить по-разному:

как норму для «догоняющей» страны и как задержку. Если верно последнее, то это связано и с моделью дисперсной концентрации, рано и настойчиво насаждавшейся в СССР на всех уровнях, и с заменой дезурбанизационных устремлений дачно-огородными.

Как бы то ни было, в позднесоветские годы, а именно в 1980-е (датировка зависит от меры и метода) Россия вступила в стадию разворота, который мы склонны считать главным трендом 1990-х гг., несмотря на глубокий кризис, вызвавший краткое забежание вперед, вплоть до стадии мелкогородской деконцентрации. К концу декады балансы миграций обозначили откат назад к урбанизации, но динамика людности этого не показала. Чтобы понять, откуда это расхождение, нужно вспомнить о естественной убыли населения стареющих главных российских городов и о барьерах для мигрантов, роль которых вновь усилилась.

Мы полагаем, что это и есть разные части новейшей российской реальности, объясняемые или универсальными моделями урбанизации, или спецификой страны, или экстраординарными событиями недавних лет. Для начала XXI века мы считаем вероятным в качестве общероссийского тренда (при более или менее «нормальных» условиях) зрелую среднегородскую стадию PR-IV. В ее пользу говорит и ускоренное экономическое, промышленное развитие альтернативных (неформальных вторых, третьих) региональных центров (Браде, Нефедова, Трейвиш, 1999), способное привлечь в них новые контингенты мигрантов. Правда, по мере того, как система городов становится более зрелой и устойчивой, сдвиги и смена стадий обычно делаются менее выразительными и подверженными краткосрочным колебаниям вокруг состояния условного гомеостатического равновесия.

Разумеется, региональные и местные различия всегда вносят свои коррективы. Пока что их выборочный анализ привел к простому выводу: прохождение универсальных стадий зависит от уровня общего и городского развития территорий, хотя эта зависимость может быть нелинейной. Если на Северо-Западе, в Центре, на Урале, а также в Московской ГА мы имеем близкие к классическим примеры дифференциальной урбанизации, зависимой от размеров и удаленности городов, то на Северном Кавказе происходило нечто иное, не учтенное в известных нам работах по теории урбанизации.

Так обычно и бывает с идеальными схемами. Но это не значит, что они совсем «не работают», что их нельзя приложить к реальной российской действительности.